

Пролог

Белоснежная «Ауди» плавно притормозила перед шлагбаумом КПП неизвестного для обычного обывателя учреждения. По содержанию красной таблички и характерной эмблеме орла можно понять только то, что оно явно относится к структуре Министерства внутренних дел, но не более того.

Сидя в салоне моего дорогого автомобиля, который своей кричащей белизной прямо-таки бросал вызов промозглой октябрьской серости Москвы, я ожидал, когда ко мне подойдет дежурный, чтобы пропустить меня на территорию. И полицейский не заставил себя долго ждать. Выскочив из небольшой застекленной будки, на ходу поправляя фуражку, он украдкой мазнул будто бы неодобрительным взглядом по номерным знакам, висящим на моем авто. Да, понимаю, спорткар стоимостью в десяток миллионов рублей в сочетании с тремя шестерками и тремя иксами на номере смотрится немного пижонски... ладно, не немного, а прямо откровенно. Однако без этого в моей профессии никак. Просто мне приходится общаться с такими людьми, которые просто не поймут, если в образе их собеседника хоть одна деталь не будет кричать о высоком достатке. Сегодня, конечно же,

никого в Москве дорогим автомобилем и не удивишь, но без него тебя скорее и вовсе не заметят. Здесь давно уже привыкли всех встречать по одежке. И по консервной банке, в которой эта одежда разъезжает. А человек — так, не более чем придаток. Так что можно сказать, что я вынужден разъезжать на этой «Ауди», поскольку это просто мой пропуск к местному бомонду, не более. Но все равно я влюбился в эту «ласточку» давно и бесповоротно.

Опустив стекло перед дежурным, я выслушал длинную дежурную фразу о закрытом объекте, пропускном режиме, въезде только для служебного транспорта и прочем бла-бла-бла. Когда мужчина в форме сделал паузу, дав мне возможность вставить слово, я, не утруждая себя приветствием, объявил:

— Я к майору Галиуллину. Он меня ждет.

Дежурный, на погонах которого я разглядел всего одну маленькую звездочку, на секунду подзавис. Ему явно была знакома эта фамилия, но пропустить меня было бы нарушением всех известных ему протоколов. Поэтому он быстро сориентировался, решив подключить к решению вопроса кого-то из вышестоящего начальства.

— Подождите секунду, я уточню!

Сбегав в свой «аквариум» и переговорив с кем-то по телефону, он вскоре вернулся.

— Все в порядке, вас будут ожидать у пожарного выхода. Это слева от парковки, нужно будет повернуть за...

Благодарно кивнув, я прервал младшего лейтенанта:

— Не переживайте, я найду.

Увидев, что дежурный хочет еще что-то спросить, сгорая от жгучего любопытства, но явно мнетя и никак не решается, я картинно вздохнул и не сумел удержаться от небольшой шалости. Я даже знал, какой именно вопрос он задаст.

— Спрашивайте уже, лейтенант, не стесняйтесь.

— А... кхм, да. Простите за нетактичность, но это же про вас показывали сюжет в новостях? Вы действительно экстрасенс?

— Что вы! — всплеснул я руками, состроив донельзя скептическую мину. — Конечно же нет! Что за вздор? Не верьте журналистам и телевизионным шоу. Экстрасенсов не существует, это все сплошное жульничество и шарлатанство.

Дождавшись, когда полицейский «потухнет» эмоционально и разочарованно пробормочет: «А-а-а-а, понятно...», я резко огорошил его:

— Я всего лишь медиум.

От вида вытянувшегося лица опешившего от моей реплики дежурного меня чуть не разобрал смех. Застыв с открытым ртом, еще не до конца понимая, издеваюсь ли я над ним или говорю откровенно, младший лейтенант только и смог выдать:

— А... а разница?

— Разница между медиумом и экстрасенсом?

— Угу.

— Разница в ремесле, так сказать! Я вот, к примеру, говорю с мертвыми. А экстрасенсы, как я уже упомянул ранее, просто мошенники.

— Э-э-э... спасибо за информацию. Проезжайте, пожалуйста.

Дежурный поспешно свернул беседу, всем своим видом демонстрируя, что я в его глазах похож больше на психа, чем на медиума. Быстро ретировавшись в свою будку и спрятавшись внутри, он потерял всякий интерес к моей персоне. А я, уже открыто посмеиваясь над его реакцией, неспешно вырулил на стоянку и направился к ожидавшему меня майору Галиуллину, фигура которого уже нетерпеливо вышагивала за углом здания, теребя в руках сигарету в нервном ожидании. Судя по тому, что он то и дело порывался ее прикурить, но в последний момент убирал зажигалку, сигарета была явно не первой, и майор успел уже накуриться настолько, что его уже от табака воротило. Но привычка вещь сильная, ее так просто не победить.

Завидев меня, он поспешил мне навстречу, на ходу грозно супя брови.

— Здорово, Серега! — Полицейский протянул мне ладонь для рукопожатия. — Ну наконец-то ты приехал! Верись, нет, я уже полпачки скурил, пока ждал тебя! Думал, дым из ушей пойдет! Ты чего так долго?

— Привет, Дамир! — крепко пожал ему руку, почувствовав неприкрытые тревогу и нервозность, исходящие от него. — А ты будто не знаешь? Москва же! Я вообще-то не на вертолете летаю. Пробки, будь они неладны.

— Мог бы и на метро разок съездить, дело срочное, блин, я же тебе по телефону сообщил!

Я слегка офигел от такого заявления. Нет, я, конечно, все понимаю, человек явно на нервах,

но границы-то все равно нужно соблюдать. Тот факт, что я вообще здесь нахожусь, это дань нашим приятельским отношениям с Дамиром, которые зародились в те далекие годы, когда я решил впервые заявить о себе как о проводнике в мир мертвых. Это был разгар лихих девяностых, когда с экранов телевизоров заряжали воду, лечили от всех болезней двадцать пятым кадром и впаривали чудодейственные циркониевые браслеты. Население активно приобщалось к новым идеям и свежим веяниям, так что лучшее время для появления говорящего с мертвецами было сложно придумать.

В первый раз, смешно вспоминать, но меня даже слушать не стали, выставив взащей из отделения и не пропустив дальше дежурки. Но я был слишком настойчивым и упорным, так что сумел подловить вне стен отдела одного отчаявшегося новичка, на которого скинули очевидный «глухарь» и не слезали, требуя подвижек по делу. Этим новичком и оказался Галиуллин. Пребывая в полной растерянности и не имея ни единой зацепки, он согласился на мое предложение и с горем пополам сумел организовать очную ставку с моим первым клиентом.

Тогда я затеял всё это исключительно ради того, чтобы создать себе репутацию настоящего медиума. Привлечение к реальному расследованию — это ли не признание моих способностей? И, как показало время, расчет себя полностью оправдал. Черeda запущенных обо мне слухов дошла до ушей нужных людей, которые сперва из простого любопытства начали мной интересоваться, а в ко-

нечном итоге стали широко пользоваться моими услугами. А некоторые из них даже на регулярной основе.

Чтобы не плодить себе врагов на пустом месте, я придумал простую легенду с несколькими правилами, дабы окружающие были убеждены в бесполезности попыток втянуть меня в какой-нибудь промышленный шпионаж и бизнес-войны. Основопологающим правилом было то, что от мертвеца невозможно чего-либо добиться ни угрозами, ни уговорами, ни убеждением. Если он при жизни скрывал какую-либо информацию, то после смерти не выдаст ее и подавно. Поскольку реальных конкурентов у меня в этой отрасли никогда еще не находилось, то и подтвердить или опровергнуть это правило было попросту некому. Конечно, не обошлось и без множества попыток вовлечь меня в крайне мутные истории, связанные с наследством, последней волей, закрытыми банковскими счетами, а иногда даже и кладками, но я весьма умело избегал участия в них, оперируя именно своими выдуманскими ограничениями.

Но это все происходило потом. А в первый раз, когда все-таки подтвердился весь пересказ, слышанный мной от жертвы убийства, меня посчитали соучастником преступления и закрыли в следственном изоляторе на четыре дня. Галиуллин же, между прочим, в числе первых инициаторов был. И если б не мое железобетонное алиби, которым я осмотрительно озаботился заблаговременно, то даже не берусь предполагать, чем бы закончилась вся эта история.

Ну и поскольку репутацию невозможно выстроить из одного-единственного кирпичика, в дальнейшем мне еще не единожды приходилось помогать полиции вообще бесплатно. Это было что-то вроде частных консультаций, после которых некоторые далеко не рядовые служащие даже получили на свои погоны новые звезды. За эксплуатацию моего труда некоторые даже опрометчиво обещали вернуть мне должок, о чем я, к их вящему неудовольствию, ни на секунду не забываю и по сей день.

С тех пор прошло уже много лет, но наши хорошие (я бы даже сказал, почти дружеские) отношения с Дамиром не только сохранились, но и даже окрепли. Поэтому от этого человека вдвойне неприятно было выслушивать подобные заявления.

Я даже ничего не стал отвечать ему, а лишь вопросительно изогнул бровь, как бы спрашивая: «А ты не охренел ли, родной?» Этого оказалось достаточно, чтоб Галиуллин сразу сник.

— Кхе... извини, Серега, — пошел он на попятную. — Перегнул, виноват. Просто дело такое до ужаса щекотливое. Меня уже Сухов обещал в капитаны разжаловать с переводом в участковые, вот я и сказанул глупость на нервяке.

— Хорошо, что ты это сам понял! — не стал я сердиться на майора и преувеличенно бодро хлопнул того по плечу. — Ты же знаешь, что я жутко не люблю, когда мои альтруистические порывы начинают вменять мне в обязанности. Еще бы пришлось напоминать тебе, что происходит, когда кое-кому фуражка голову отдавливает и этот

«кто-то» вдруг начинает считать меня своим подчиненным, да, Дамир?

Последнюю фразу я произнес с нажимом, открыто намекая на один неприятный конфликт, который разгорелся между нами в прошлом. Тогда Галиуллин тоже вдруг с чего-то посчитал, что имеет моральное право давить на меня и даже что-то требовать. Завершилось все тем, что мы в пух и прах разругались, разорвав любое сотрудничество. В конечном итоге все же Дамир повинулся, признав свою неправоту, но ему потребовалось на это несколько недель. И вспоминать этот эпизод он откровенно не любил.

— Ну хватит уже, чего ты сразу заводишься? — поморщился он от не самых позитивных воспоминаний.

— А это чтоб ты не расслаблялся, государев человек! С вашим братом иначе нельзя, на шею садитесь. А то в следующий раз вообще по тарифу ценник выкачу!

Насладившись редким зрелищем пристыженного майора, я все же с великодушным и прощающим видом махнул рукой.

— Ладно, веди уже. Где там мой клиент?

— Клиент, блин... опять эти твои шуточки... — пробурчал себе под нос Дамир, указывая дорогу к жертве очередного убийства.

Пройдя по выкрашенным какой-то грязно-коричневой краской коридорам, в которых буквально каждая деталь кричала о принадлежности к казенному дому, мы вошли в одно из помещений, стены которого украшала отвратительная зеленая кафельная плитка.

— А почему труп все еще в секционной? — спросил я, разглядывая полупустое помещение. Тут, помимо привезенной каталки с накрытым простыней телом, стояли только два пустых патологоанатомических стола и несколько медицинских стеклянных шкафов с множеством специфических инструментов и склянок.

— Ну так... для тебя ж специально все устроили! Не у холодильников же торчать, мерзнуть.

Майор попытался изобразить беззаботность, но я где-то на грани восприятия уловил от него нотки смущения.

— Вы что, — ехидство в моем голосе было чуть ли не осязаемым, — опасаетесь, как бы я и с остальными жмуриками парой фраз не перекинулся?

— Вот что ты за человек, Секирин? Ерунду говоришь всякую! Да ну тебя!

Дамир в сердцах махнул рукой, показывая всю глубину своего почти неподдельного возмущения от подобных обвинений. Но, во-первых, я слишком давно его знал, чтобы он мог так легко меня обмануть, а во-вторых, моя способность ощущать эмоции других людей теперь уже явно просигнализировала о том, что он сильно смутился. Хм... значит, не показалось, и правда опасаются.

И, судя по реакции Галиуллина, он прекрасно понял, что, несмотря на мой полушутливый тон, я обо всем догадался верно и выводы об уровне доверия сделал соответствующие. Однако сам он выглядел почти извиняющимся, всем своим видом показывая, мол, извини, приятель, служба такая. Хочешь узнать больше — надевай ки-

тель. И пробивающийся сквозь мое восприятие легкий флер ощущаемой им вины явно намекал, что он очень стыдится такой демонстрации недоверия. Однако я даже на него и не думал обижаться. Я ж прекрасно понимаю, над ним сидит начальство, с которым спорить себе дороже. Да и чужих секретов мне и задаром не надо. Давно уже наученный, что от них сплошные проблемы. Так что я абсолютно не имел никаких претензий к майору, что и поспешил тому продемонстрировать.

— Ладно тебе обиду вселенскую изображать, — добродушно хмыкнул я, — ты лучше скажи уже, чего хочешь вот у него спросить? — кивок головы в сторону тела.

— Ох-хо-хо! Тут не так все просто, Сергей, — охотно переключился на волнующую его тему полицейский. — Спросить-то я хочу многое, но вот утвердили мне только очень ограниченный перечень. — Он протянул мне листок с распечаткой общих и донельзя размытых вопросов. — И очень прошу, не любопытствуй лишнего, ага?

— Дамир, расслабься! Я все понимаю, чай, не на детский утренник пришел. Секретность, уровни допуска и прочая ваша служебная шелуха мне прекрасно знакома, — не глядя похлопал я майора по погону, не отрываясь от изучения переданного мне листа бумаги. — Да и ты не забывай, с какими людьми мне работать приходится. Если б не умел держать язык за зубами, давно бы «выбыл» из бизнеса.

Свою последнюю фразу я для наглядности сопроводил жестом, проведя ладонью по горлу, од-

нако Галиуллина мои заверения совсем не успокоили.

— Знаю, Серега, знаю! Будь на твоём месте кто-либо другой, я бы вообще не рискнул под это дело вписываться. Ты просто не представляешь себе, интересы **каких** людей затронуты в этом деле. Вся эта затея организована сугубо под мою ответственность, и если хоть что-то пойдёт не так, хоть вот настолько, — он показал мне микроскопический зазор между пальцев, — то первой оторвут именно мою башку. Вот такой здесь расклад, без всяких прикрас...

Переваривая услышанное, я мысленно выругался. Нет, ну нельзя же так! Это как подойти к человеку и сказать: «Не думай о белой обезьяне!» И первое, что этот гипотетический человек сделает, это обязательно о ней подумает. Так что теперь работать нужно будет втройне осторожно, чтобы и правда не зацепить ничего лишнего у покойника. Истинность изречения «Во многих знаниях многие печали» я успел познать на себе уже неисчислимое количество раз, так что наступать на эти грабли я больше не намерен. И я ведь профессионал, мать твою за ногу! Я же все смогу! Наверное...

— Общаться с мертвыми — это тебе не в Гугле запрос вбить, — проворчал я больше для успокоения Галиуллина, припоминая одно из своих выдуманных правил. — Не факт, что он и на эти твои вопросы захочет отвечать.

Конечно же, я безбожно лукавил. Нет у мертвеца ничего такого, что бы он сумел от меня скрыть. По крайней мере, мне пока такие уникамы